

Объект этнографии — народы (этносы), причем как ранее существовавшие, так и современные, как отсталые, так и развитые, а в ее предметную область входят компоненты этноса в аспекте своих этноинтегрирующих и этнодифференцирующих функций. Это положение четко сформулировано на первых же страницах обсуждаемой здесь статьи Ю. В. Бромлей и М. В. Крюкова.

Не приходится сомневаться, что этнография всегда изучала и должна изучать прежде всего современные исследователю этносы и их компоненты, и именно на такое изучение нацелены основные методы этнографии. Между тем в результате большинства полевых исследований действительно проводится анализ компонентов культуры, ограниченных концом XIX — началом XX в. Еще лет 10 тому назад можно было, хотя и с трудом, найти информантов, сохранявших живые знания об этом отрезке времени. Но сегодня это уже невозможно, воспоминания сегодняшнего информанта в лучшем случае доходят до 20-х годов XX в. Это тоже нужные для науки сведения, но все же, видимо, не основные.

Значит ли это, что «чем дальше от первобытности и ближе к современности, тем уже предмет, содержание этнографической науки», как это писал И. И. Потехин в 1953 г. и что считают справедливым Ю. В. Бромлей и М. В. Крюков сегодня? Значит ли это, что с каждым десятилетием предмет этнографии будет все более сужаться?

Как пишут сами Ю. В. Бромлей и М. В. Крюков (с. 58), объектом исследования этнографа в наши дни выступает урбанизированная культура, не представляющая собой чего-то единого для всех членов этнической общности. Но это означает, что такая культура состоит из множества субкультур. Часть этих субкультур принадлежит различным классам и социальным прослойкам общества, но множество их этим не исчерпывается. Субкультуры образуются по принципу полового и возрастного деления (например, молодежная субкультура), по формам расселения (субкультура микрорайонов новостроев), по интересам и увлечениям (субкультуры автомобилистов, любителей музыки, болельщиков спорта и т. д.) и по многим другим показателям. Если признать задачей этнографии современности изучение этих субкультур, а представляется, что это необходимо сделать, то станет ясно, что по мере усложнения общественной жизни предмет этнографии не сужается, а бесконечно расширяется.

Характеристика специфики этноса не может быть получена посредством экстраполяции данных по одной субкультуре на весь этнос. Но она не может быть получена и этносоциологическим статистическим анализом данных репрезентативных выборок, хотя бы и охватывающих тысячи респондентов, притом грамотно разбитых на группы. Ведь в этом случае мы получаем количественные различия по тем относительно немногим наиболее общим характеристикам, которые показательны для всех этих групп, тогда как суть дела состоит именно в выявлении качественных межгрупповых различий, форм межгруппового взаимодействия и, наконец, образующихся при этом взаимодействиях связей, которые в совокупности и дают неповторимый облик этноса.

В этом отношении пока что делается еще очень мало, а то, что делается, не встречает, как кажется, должного внимания и понимания. Между тем именно такое, ориентированное на субкультуры большинства урбанизированного этноса исследование одно только и может, на наш взгляд, дать подлинный практический выход этнографическим разысканиям, поставить этнографию на действенную службу в решении эпохальных задач перестройки нашей общественной жизни.

Наблюдение (в том числе включенное, которым у нас почти не поль-

зуются) и опрос (интервью) остаются ведущими методами исследования.

Никак нельзя согласиться с тезисом, что сообщения информантов менее ценны, чем непосредственное наблюдение (с. 57). Дело в том, что наблюдение позволяет зафиксировать различия явлений, отмечаемые на этном уровне, когда категоризация их производится в сознании наблюдателя. Различия же эмного характера, проводимые в сознании самих этнофоров, как правило, фиксируются только путем их опроса. А ведь само собой понятно, что код культуры может быть понят только на эмном уровне. Это различие (или, во всяком случае, упоминание) не проводится в той части статьи Ю. В. Бромлея и М. В. Крюкова, которая посвящена методическим вопросам, что является, на наш взгляд, существенным упущением авторов.

А. М. Решетов

О СОВЕРШЕНСТВОВАНИИ МЕТОДОВ ЭТНОГРАФИЧЕСКОЙ НАУКИ

Обсуждение статьи Ю. В. Бромлея и М. В. Крюкова «Этнография: место в системе общественных наук, школы, методы» имеет две задачи: первая — обсудить основные идеи очередного раздела словаря этнографических понятий и терминов, который готовится советскими и немецкими учеными; вторая — оценить сложившееся соотношение этнографии со смежными науками, ее методiku с позиций нынешнего уровня этнографических исследований с учетом исторических уроков, а также наметить перспективы дальнейшего развития этнографической науки. Таким образом, статья представляет попытку рассмотреть ряд принципиально важных вопросов. Учитывая дискуссионный характер публикации, хотелось бы обратить внимание на спорные или неточные трактовки.

В качестве основного ядра предметной области этнографии авторы выделяют слой культуры в широком смысле этого слова, выполняющий этнические функции, т. е. прежде всего традиционно-бытовую культуру. Вместе с тем удивляет сильно зауженное понимание традиционно-бытовых компонентов культуры: обычаи, обряды, народное искусство, устное творчество и т. п., особенности которых отличают один этнос от другого (с. 46).

Об этой статье порой трудно говорить прежде всего в силу некоторой ее фрагментарности. Вот один небольшой, но показательный, с моей точки зрения, пример. Авторы приводят точку зрения известного советского этнографа Д. К. Зеленина: «...эту современную картину мы стремимся осветить историческими данными и в своих разысканиях идем от настоящего к прошлому, пытаемся, так сказать, раком в глубь истории»¹. И тут же, хотя и в списке, добавляют, что «спустя более полувека после этого тот же вывод был сформулирован Ян Кунем» (с. 47). Как будто, на первый взгляд, здесь все правильно. Но уверены ли авторы, что до Д. К. Зеленина никто не высказывал этой мысли или по крайней мере фактически не придерживался такой методики, и уж во всяком случае между 1913 и 1984 г., когда Ян Кунь опубликовал свою работу. Скорее, в поле зрения Ю. В. Бромлея и М. В. Крюкова попали работы этих двух крупных ученых.

¹ Зеленин Д. К. Великорусские говоры с неорганическим и непереходным смягчением заднеязычных согласных. СПб., 1913. С. 4; его же. Очерки русской мифологии (Введение). Пг., 1916. Вып. I. С. 16; Гаген-Торн Н. И., Васина А. И. Ретроспективный метод анализа в трудах Д. К. Зеленина // Тр. Ин-та этнографии АН СССР (ТИЭ) М., 1971. Т. 95. С. 171—180.